

Человек, прошедший трудный путь

Иногда мелкий штришок в облике человека говорит больше, чем самая подробная характеристика. Рядом с входной дверью Ивана Алексеевича Артюхова на крючке висит веник для обметания снега с обуви. Да и к дому от дороги снег расчищен не узенькой тропкой, а широким подъездом - видно, что живет здесь хозяин крепкий, аккуратный. И это при всем том, что в октябре 2016 года ему исполнилось 80 лет!

Родился Иван Алексеевич и до сих пор живет в д. Кузьминичи.

посчастливилось не только выжить, но и остаться невредимыми. Из лагеря их освободили, но вся Белорусия еще стояла под немцами, поэтому вчерашних узников распределили на постой к местным жителям в деревне Люшнево.

Семья Артюховых - Ваня с братом Колей и двоюродной сестрой Шурочкой, которая приехала летом 1941 года погостить из Москвы, да так и не смогла вернуться назад, Евдокия Федоровна и ее свекор со свекровью со своими тремя дочками - были определе-

Документы у всех были утрачены, многие дети остались без родителей, которые могли бы подтвердить дату рождения, но некоторым не помогли даже уверения родителей. Так мальчику Ване поставили год рождения - 1938-й, настолько он был худ и изможден. И уже во взрослом возрасте пришлось делать запрос в Смоленский архив, чтобы вернуть себе 1936 год рождения.

Первые четыре года он учился в "синдикате", так ученики обозвали непонятным иностран-

лом кадров этого училища справедливо рассудил, что раз Москва затретила на обучение это деревенского паренька определенные средства, то работать ему уже если и не в самой столице, то в Подмоскovie точно. И он лично Ивана и еще одного выпускника, паренька из Воронежа, отвез в город Электросталь и устроил на Новокраматорский завод им. Сталина, на котором производили комплектующие для гидроэлектростанций (выливали лопасти, собирали турбины, тянули проволоку и скручивали в тросы). Столь южное название завод имел по своему происхождению - во время войны он был эвакуирован из украинского Краматорска, но дальше Москвы уехать не смог, чудом сохранился, и назад его возвращать уже не стали.

Энтузиазм в те годы был велик, поэтому, когда был кинут клич "Комсомольцы - на электрификацию сел!", Иван согласился на предложение приятеля уехать в Смоленскую область. А ведь Кузьминичи сначала значились в Екимовичском районе Смоленской области, вот так он оказался на Екимовичской МТС, которая располагалась в д. Крапивна, что в 10 километрах от его малой родины.

В основном он занимался восстановлением, установкой и обслуживанием дизельных станций, которые вырабатывали электричество. Станций устанавливалось все больше, и ему пришлось обучать парней из водительского состава на механиков-электриков для обслуживания устанавливаемого оборудования.

В это же время его тетя посоветовала приглядеться ему к двум девушкам - обе симпатичные, скромные, работающие. Пригляделся, и недолго думая женился на одной из них - следующей весной у них с Марией Федоровной юбилей - 60 лет совместной жизни.

А потом была служба в армии, на которую попал, можно сказать, добровольцем. Так как он работал на восстановлении народного хозяйства, имел своеобразную бронь, но для себя решил не дожидаться повестки, и пока еще не родились детишки, отдать долг Родине. Так и сказал, придя в военкомат: "Мне надо отслужить". Служить попал на секретный объект в Казахских степях, въехать на который можно было, пройдя скрупулезную проверку на трех КПП. Секретность была такая, что родные не знали, где служит их боец, письма они отправляли по адресу: Москва-300, в/ч 1... С этим связан один из курьезных случаев: однажды Иван, запечатав письмо, сидел, о чем-то размышляя, и рука сама собой вывела на конверте абстрактный рисунок из линий и галочек. А через пару дней его вызвали особыты, и объяснили, что раз он дал подписку о неразглашении на 25 лет, то не имеет права раскрывать свое местонахождение даже знаками - оказывается, в топографии волнистые линии обозначают пески. А Казахстан - это пески. А служащий его, уходя служить, сказал своим родным, что если не смогу написать открыто, то выстраивайте название из заглавных букв в письме. Но, видать, он был не первым, потому что его зашифрованное послание было обнаружено, и этот горе-диверсант понес наказание.

Первые два года службы Иван учился в школе старшин, потом его отправили в Управление атомно-ядерной физики, а потом - в Семипалатинск "осциллографом" на испытательный полигон. Во время испытания ядерного оружия он должен был находиться в 32-метровом шурфе и фиксировать различные показатели до взрыва и после.

Отслужив, вернулся домой, но его место работы было занято, и он по счастливой случайности устроился электриком в совхоз Спас-Деменского района. Там ему выделили жилье, где они с Марусей

прожили два года. А потом все равно вернулись в Кузьминичи, потому что Иван Алексеевич получил место инженера-электрика в совхозе "Жерелево".

В 1962-64 годах прошла электрификация Куйбышевского района, и в Троицком была установлена довольно крупная подстанция. Приехавший принимать работу специалист из "Тулаэнерго" обратился к тогдашнему директору совхоза Ивану Тихоновичу Фролкину с просьбой: "Отдай мне своего электрика, он у вас все наладил, поэтому успеет, если что, и у вас устранить какую-никакую неполадку. А постоянно пусть работает у нас на Троицкой подстанции, я ему и жилье дам". На том и по-решили, вот только женщины Ивана Алексеевича - мама и жена - из Кузьминичей переезжать не согласились, и директор совхоза выделил ему жеребчика и возок.

Когда из жерелевского совхоза вычленили колхоз "Кузьминичский", то директор хозяйства его переманил к себе, где Иван Алексеевич и проработал до самой пенсии. Неоднократно сталкиваясь с тем, что то на одной, то на другой ферме нет воды и нечем поить животных по вине загулявшего работника, который вовремя не накачал воды в башню, он задался целью все башни автоматизировать. Как говорят в народе: "долго ли умеючи", он, что-то помудрив с имеющимся оборудованием, установил на все водонапорные башни автоматические датчики. Теперь фермы никогда не оставались без водоснабжения.

Уже будучи на пенсии, несколько лет помогал родному колхозу - во время уборочной страды следил за исправностью электрики на зерноотку, а потом и вовсе его полностью электрифицировал, что перестало требовать его присутствия. И не потому, что не хотел больше работать, а потому что работы дома было куда больше. Артюховы всегда держали большое хозяйство: две коровы, бык-производитель, овцы, поросят доходило до шести голов, кур - до сорока. И все это совмещалось с государственной работой. Двое сыновей, подрастая, конечно, помогали родителям, но основная нагрузка все же была на старших.

К слову сказать, сыновья хоть и живут в Десногорске, но так и не оторвались от деревни полностью. Старший Геннадий работает на атомной станции, а в Кузьминичах напротив родительского дома имеет дачу с большими парниками и цветниками. Младший - Володя, отслужив в милиции 25 лет, находится на заслуженном отдыхе и имеет дачу в пригороде, на которой держит хорошее поголовье домашнего скота, обеспечивая родителей своим мяском и салцом.

У Ивана Алексеевича и Марии Федоровны четверо внуков - все мужчины, трое из которых работают там же, где и старший сын, - на атомной электростанции, и один - на промышленном производстве. И еще три лучезарных солнышка иногда освещают их избу - две правнучки и правнучек.

В заключение хочется добавить еще один штришок: за время беседы с колена Ивана Алексеевича не сходил один из трех котов - не к хозяйке он ластился, а к хозяину.

Жизнь этого, казалось бы, обычного деревенского мужчины была настолько богата событиями, что по ней можно писать книгу или снимать фильм. Война, концлагерь, нужда, голод, тяжелейший крестьянский труд не озлобили его, не согнули. Он по-прежнему бодр духом, несмотря на присущие его возрасту болячки, весел и отзывчив.

Дай Бог Вам здоровья, Иван Алексеевич!

Текст и фото
Марины КОНОПЛЕВОЙ

Отец его Алексей Владимирович работал мастером на шоссеиной дороге, то есть отвечал за исправность определенного отрезка Варшавского шоссе. Асфальтового покрытия тогда еще не существовало, и дорогу подправлять приходилось постоянно, особенно в период осенней распутицы и после весенних паводков.

Мама Евдокия Федоровна всю жизнь была колхозницей - до войны д. Кузьминичи входила в состав колхоза им. Сталина. Отец его погиб в декабре 1942 года на фронте, но в память ребенка врезался навсегда. Он помнит, как отец водил его в магазин и в цирк. Оказывается, до войны в Кузьминичах оставался цирк шапито, и купить билет в состоянии был любой желающий. Какой это был восторг для малышни - увидеть медведя, катающего бочки, и подразнить попугая какаду! Жить бы поживать да добра наживать, но началась война...

В 1942 году из деревни немцы угнали 13 семей. Их семья, как и многие другие, спряталась в лесу, но выследил и выдал живший по соседству пронира-полицай. Вот так они попали сначала в Рославльский концентрационный лагерь, где были сформированы огромные колонны, которые погнали дальше. И ведь вот что делали фашисты: впереди колонны пускали мужика с лошадей, запряженной в борону, - таким образом разминировали путь. Как только такой "минер" подрывался, из колонны хватили следующего, отбирали лошадь, и все продолжалось.

Люди, впервые столкнувшиеся с таким ужасом, в надежде на лучшее везли на подводах все необходимое, гнали с собой скот. Но после того, как очередная лошадь выпрыглась, эта семья оставалась без своего скарба, который вместе с телегой оставался на дороге. Малых деток, которым не преодолеть столь дальнюю дорогу, сажали верхом на коров. Так они добрались почти до Польши - концентрационный лагерь в белорусском городе Слоним находился от границы с Польшей менее, чем на сто километров. Однако им

ны в дом бывшего помещика. Дом был огромен, окружен амбарами, овинами, хлевами и мог стать их усадьбой, потому что хозяин готовился со своими сыновьями уйти вместе с немцами, даже если те будут отступать. Помещик этот с приходом немцев искренне уверовал в победу рейха, а его сыновья служили фашистам: один - бургомистром Слонима, другой - соседнего Мышанска. Но и к своим квартирантам они относились хорошо и говорили им: "Зачем вам куда-то ехать? Живите - дом большой, места всем хватит, а мы уж не вернемся". Но разве можно остаться на чужбине?!

И в 1943 году вернулись домой, если называть свою малую родину домом, потому что дома как строения уже не было - деревню сожгли. Кому посчастливилось вернуться раньше, те заняли тщательно выкопанные и хорошо укрепленные немецкие блиндажи и землянки. Артюховы приютили родители Евдокии Федоровны, которые уже выкопали землянку. Хорошо, что было лето, жаркое лето, которое поспособствовало им обустроиться, не погибнуть от холода. К осени на своей усадьбе они выкопали еще две землянки и смогли пережить зиму. Она была снежная, что, конечно, помогало сохранению тепла в землянках, но некоторых за ночь замело так, что без помощи соседей невозможно было выбраться наружу.

Потом по Сталинскому приказу селянам на строительство домов лес выделялся бесплатно, а государство давало ссуду. Евдокия Федоровна с племянницей сами выпили лес за Осовкой, раскряжевали и привезли на лошадке в деревню. А тут уж, "спасибо товарищу Сталину", наняли мужичка за те деньги, что выделило государство.

Дети пошли в школу, причем в приказном порядке, даже те, кто уже не подходил по возрасту, но имел 1-2 класса образования. Но сначала отправили в районную больницу на диспансеризацию и физиологическое обследование с целью установления возраста.

ным словом неотапливаемое здание бывшего кожзавода. И перед каждым учеником стояла импровизированная керосиновая лампа из плетенных гильз, которая давала свет в сумерки и согревала стынущие пальцы. Потом в деревне возвели семилетку, причем строили всем миром, помогали в том числе и ученики - крыли крышу дором и дранкой. Вот так, как бы ни было тяжело Евдокии Федоровне одной с тремя ребятишками, но все трое, включая Шурочку, закончили семилетку. А потом объявилась мама Шурочки - сестра Евдокии Федоровны - Елена. Оказывается, во время войны ее эвакуировали в Алма-Ату, и только через годы после окончания войны она смогла вернуться и заново устроиться в Москве.

Только вот для Шуры, ставшей уже девушкой-красавицей, это была чужая тетя, и поначалу она ее даже не приняла. Но потом все же уехала с мамой в Москву. Тогда же после окончания школы забрали и Ваню, и Шурочкин отец, работавший в то время милиционером, занялся устройством мальчика в образовательное учреждение. К милиции в ту пору было большое уважение и доверие, и у мальчишки кроме свидетельства о рождении не спрашивали больше никаких документов. Сначала решили учиться на токаря, но оказалось годков маловато, а вот в техническое училище, которое готовило специалистов по обслуживанию троллейбусного, трамвайного парков и метрополитена, после успешной сдачи вступительных экзаменов паренька приняли.

Отучившись, Иван получил специальность механика-электрика промышленного оборудования. Так как учился хорошо, то получил распределение во 2-й троллейбусный парк. Но тут выяснилось, что муж его родной тети Лены оказался родственником по-настоящему не кровным: вначале он обещал мальчику прописать и выправить все необходимые документы, но на деле оказалось совсем не так, и московской прописки у Вани не было. Заводе-